

УДК 340.154

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506-517

Завещание Василия II и начало новой страницы в истории российской государственности и права

Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
penskoy_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Образование Русского централизованного государства представляло собой длительный процесс, однако относительно его временных рамок в литературе существуют разногласия. С тем, что основы раннемоде́рной русской государственности закладываются в эпоху Ивана III, согласны большинство специалистов. По мнению автора, отправной точкой, с которой началась его работа, стало завещание его отца Василия II. Это завещание и его место в системе «конституционных» актов, регламентирующих государственный строй и взаимоотношения политических субъектов формирующегося Русского государства до сих пор не было предметом специального исследования, хотя ряд ученых и обращал внимание на те новшества, которые Василий II внес в его текст по сравнению с духовными грамотами своих предшественников. Автор статьи обращает внимание на главную особенность этого «конституционного» акта – при всей его внешней консервативности завещание включает в себя ряд положений, которые де-факто закладывают основы разрушения «старини» в межкняжеских отношениях и подрывают саму основу прежнего политического режима «семейного» совладения Русской землей князьями из дома Рюриковичей. Тем самым, считает автор, был открыт путь по превращению рыхлой «конфедерации» отдельных земель и уделов под номинальной властью великого князя как «старейшего» в роду в более сплоченное и прочное раннемоде́рное государство.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, государство, право, конституционное право, Россия, централизованное государство, удельная система, Василий II

Для цитирования: Пенской А.В. 2023. Завещание Василия II и начало новой страницы в истории российской государственности и права. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(3): 506–517. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506–517

The Testament of Vasily II and the Beginning of a New Page in the History of Russian Statehood and Law

Alexander V. Penskoj

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
penskoy_a@bsu.edu.ru

Abstract. The formation of the Russian centralized state has been and remains one of the most discussed and at the same time clearly in need of new approaches and assessments of the historical and legal problem. There is no doubt that the formation of the Russian centralized state is a long process. However, there are disagreements in the literature regarding its time frame. Most experts agree that the foundations of early modern Russian statehood were laid in the era of Ivan III. But Ivan III did not begin their creation from scratch. According to the author of the article, the starting point from which his work began was the will of his father Vasily II. This testament and its place in the system of “constitutional” acts regulating the state system and relations between political subjects of the emerging Russian state has not yet been

© Пенской А.В., 2023

the subject of a special study. The author of the article draws attention to the main feature of this "constitutional" act - for all its external conservatism, the testament includes a number of provisions that de facto lay the foundations for the destruction of "old times" in inter-princely relations. Thus, they undermined the very foundation of the former political regime of "family" co-ownership of the Russian land by princes from the house of Rurikovich. The author believes that as a result of this, the path was opened for the transformation of a loose "confederation" of individual lands and specific principalities under the nominal authority of the Grand Duke as the "oldest" in the family into a more cohesive and stable early modern state

Key words Middle Ages, Early Modern, state, law, constitutional law, Russia, centralized state, appanage system, Vasily II

For citation: Penskoj A.V. 2023. The Testament of Vasily II and the Beginning of a New Page in the History of Russian Statehood and Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 506–517 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-506–517

Введение

В ночь на 27 марта 1462 г. после тяжелой болезни («князь велики, чаа себе сухотной болести, повеле жеши ся, яко же есть обычая болющим сухотноу») [Московский летописный свод, 2004, с. 278] на 48-м году жизни в своем московском дворце скончался великий князь владимирский и московский Василий II Темный. С его смертью в истории Северо-Восточной Руси завершилась целая эпоха, центральным событием которой была борьба за власть между Василием, внуком великого князя Дмитрия Ивановича, и его дядей, удельным князем звенигородским и галицким Юрием Дмитриевичем и его детьми Юрьевичами (среди которых своей энергичностью и жаждой власти в особенности выделялся Дмитрий Шемяка). Эта усобица (именуемая обычно в литературе «феодальной войной»), длившаяся с перерывами практически четверть столетия, существенно перекроила политическую карту Северо-Восточной Руси и, как показали дальнейшие события, стала важнейшим этапом в деле превращения слабой и рыхлой «конфедерации» северо-восточных русских княжеств в сильное и влиятельное Русское государство, которое традиционно принято называть «централизованным».

Четвертьвековая смута ускорила процессы политической и военной централизации Русской земли и создала необходимые условия для перехода их в необратимую стадию. Во многом это было предопределено тем «перебором людишек», который учинил победивший в усобице Василий II. С политической авансцены сошли по разным причинам его конкуренты и противники, реальные и потенциальные, и прежде всего дядя Василий Юрий Дмитриевич и его дети Дмитрий Шемяка, Василий Косой и Дмитрий Красный. Удельная система подвергается Василием II радикальному реформатированию – как отмечал А.А. Зимин, автор единственной на сегодняшний день работы по истории этого междоусобного конфликта, «на смену уничтоженным уделам создавались новые, но уже не на родовой («гнездо Калиты»), а на семейной основе: все они принадлежали детям Василия II» [Зимин, 1991, с. 163].

Эта «реформа» (мы не случайно взяли этот термин в данном случае в кавычки, поскольку убеждены в том, что Василий II, действуя подобным образом, вовсе не ставил перед собой задачу ликвидации удельной системы или, на худой конец, ее реформирования) и ее результаты нашли свое отражение в завещании Василия II, которое было составлено незадолго до его смерти. Этот документ, который для того времени можно со всеми на то основаниями назвать своего рода «конституционным актом», «конституцией» (в данном случае мы исходим из определения термина «конституция», которой дал Г. Еллинек – по его мнению, «конституция государства обнимает... совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, их взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти» [Еллинек, 1903, с. 335]), вносил серьезные коррек-

тивы в существовавшую до того времени систему межкняжеских отношений. По существу, в своем завещании Василий II не только подвел итоги смуты, но и обозначил начало нового этапа в развитии русской государственности и права.

Вместе с тем стоит заметить, что в отечественной (и тем более в зарубежной) историографии завещание Василия II рассматривается в общем и целом в традиционном ключе. Нет, нельзя сказать, что изменения в «конституционном» порядке, изложенные в данном акте, не были замечены историками и правоведами. Так, к примеру, В.О. Ключевский, опираясь именно на завещание Василия Темного, писал, что «князья-завещатели не давали старшим сыновьям никаких лишних политических прав, не ставили их младших братьев в прямую политическую от них зависимость; *но они постепенно сосредоточивали в руках старшего наследника такую массу владельческих средств, которая давала им возможность подчинить себе младших удельных родичей и без лишних политических прав* (выделено нами. – А.П.)...» [Ключевский, 1988, с. 38].

Однако это важное наблюдение не получило дальнейшего развития в работах отечественных исследователей. Они в лучшем случае констатировали сам факт составления завещания и усиление значимости старшего сына и наследника Василия II (как это сделал, к примеру, А.А. Зимин, автор фундаментальной и до сих пор непревзойденной монографии об эпохе Василия II – он, по большому счету, повторил в развернутой форме тезисы В.О. Ключевского [Зимин, 1991]) или же (как это сделал Ю.Г. Алексеев), подчеркивали консервативный характер «конституции» Василия Темного [Алексеев, 2018]. И когда известный американский русист и один из ведущих специалистов по истории России раннего Нового времени Н. Коллманн в своей монументальной «России и ее империи» начинает отсчет новой эпохи в русской истории именно с конца правления Василия II [Kollmann, 2017], то возникает невольный вопрос – а почему именно это время берется в качестве отправной точки?

Противоречивость в оценках итогов правления Василия II, которые были подведены его духовной грамотой, и неопределенность ее значения как важнейшего «конституционного» акта, предопределившего дальнейшее развитие политической системы Русского государства, обусловили наш интерес к этой проблеме и определили цель нашего исследования – определить действительное место духовной грамоты Василия Темного в системе «конституционных» актов Русского государства на заре раннего Нового времени и ответить на вопрос, действительно ли можно считать его началом нового этапа в истории российской государственности.

Раннее Новое время и его характерные черты

Говоря о новой эпохе, начало которой столь четко и недвусмысленно было заявлено в завещании Василия II (и в ряде других документов конституционного значения, по Г. Еллинеку, прежде всего межкняжеских докончаний), мы имели в виду Новое время, а точнее начальный его этап – раннее Новое время, время, когда формировался, развивался и пришел к своему завершению знаменитый *Ancien Régime*, т. е. временной промежуток между серединой XV и концом XVIII столетия (или, как предлагают 3-го тома отечественной «Всемирной истории», который носит характерное название «Мир в раннее Новое время», между серединой все того же XV века и 1700 годом [Всемирная история, 2013, с. 5, 8. Ср.: Крылов, 2020]).

Характерной чертой раннего Нового времени являются чрезвычайно сильные позиции традиции, «старины» [Всемирная история, 2013, с. 8], которые продолжали доминировать в общественном сознании, определяя лицо эпохи. Эта устойчивость и воспроизводимость традиции, на наш взгляд, была обусловлена рядом объективных обстоятельств. Первое из них связано с тем, что любое раннемодерное общество, в том числе и российское, оставалось обществом аграрным, или, если использовать предложенную американским культурологом и философом Э. Тоффлером периодизацию, «обществом Первой вол-

ны» [Тоффлер, 2004, с. 38, 52]. Однако иначе и быть не могло, поскольку деревня, постепенно уступая экономическое и интеллектуальное превосходство городу, тем не менее, продолжала доминировать в ментальной сфере. Это и неудивительно, поскольку, как заметил французский историк П. Шоню, «восемьдесят пять процентов населения классической Европы продолжали жить в рамках сельской общины и сеньории, неизменных в своих основных чертах» [Шоню, 2005, с. 14]. Нельзя не согласиться с мнением отечественного исследователя С.Д. Домникова, который отмечал, что «как бы ни был культурно и экономически развит в государстве тот или иной социальный слой, пока в обществе сохраняется условия для воспроизводства аграрного локуса – основной ячейки социальной традиционности, общество как целое продолжает существовать в соответствии с законами воспроизводства традиционных общественных структур». Эта особенность таких обществ обусловлена тем, что **«сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма...»** (выделено нами. – А. П.)» [Домников, 2002, с. 21].

Устойчивость традиции имела под собой еще одно основание. Французский социолог и культуролог К. Леви-Стросс, полагая традиционные общества «холодными», указывал на их стремление «благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать квазиавтоматически то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы». Однако, поскольку отрицать развивающийся под давлением как внешних, так и внутренних факторов исторический процесс невозможно, такие социумы «желают его [процесс перемен и изменений] игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояния, считаемые ими "первичными" относительно своего развития** (выделено нами. – А.П.)...» [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. В результате наложения друг на друга этих факторов и условий и формировалось то самое доминирование в коллективном бессознательном раннемодерных обществ, в особенности на самых ранних этапах их становления и развития, традиции. Перемены, чтобы быть признанными обществом, должны были принять обличье хорошо знакомой традиции, мимикрировать под «старину», и, действуя под ее прикрытием, постепенно разрушать «старину» изнутри.

Завещание Василия II и формирование новой политической, административной и правовой реальности

Василий II, борясь за власть и жизнь, оставался сыном своего времени и в своих действиях руководствовался теми идеями и принципами, на которых строилась политическая система Русской земли от отношения между князьями дома Рюриковичей еще со времен Ярослава Мудрого. Речь идет о т. н. *corpus fratrum*. Характеризуя сущность этого явления, политического и правового (в рамках традиционного, обычного права), российский историк А.В. Назаренко отмечал, что **«главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы»** (выделено нами. – А.П.), был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников», и если наследников оказывалось несколько, то тогда возникало *corpus fratrum* или «братское совладение» [Назаренко, 2009, с. 7]. При этом раздел «патримония» на уделы между сыновьями покинувшего бранный мир правителя рассматривался ими не как некая «раздробленность», а как продолжение существования прежнего государства, но в новом формате. В коллективном и индивидуальном сознании представителей правящего дома, несмотря на дробление, «сохранялось **представление о политическом единстве, которое, таким образом, вовсе не связывалось с единовластием как нормой, а было воплощено именно в единстве правящего рода** (выделено нами. – А. П.)...» [Назаренко, 2009, с. 51].

Довольно скоро принцип *corpus fratrum* в конкретно исторических условиях средневековой русской государственности был доработан и дополнен принципом сеньората.

По мнению А.В. Назаренко, основы этого сеньората были заложены в политическом завещании Ярослава Мудрого. В переложении летописца, составителя «Повести Временных лет», призвав к своему одру сыновей, помимо всего прочего, наказал им следующее: «Се же поручаю в собе место столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будете в мене место» [Повесть Временных лет, 1999, с. 70].

Наделение «старейшего» брата в семействе столичным уделом имело вполне определенный смысл – тем самым подчеркивался его особый по сравнению с прочей «братской» статус и, поскольку обладание столицей давало в руки «старейшего» брата преимущественные в сравнении с его родственниками материальные, финансовые и людские ресурсы, его доминирующее положение становилось тем более очевидным. Можно вести речь о том, что тем самым утверждается принцип «земля рождает власть», характерный для традиционных аграрных обществ «Первой волны». Вместе с тем нетрудно заметить, что принцип *corpus fratrum*, даже дополненный и развитый принципом сеньората, предполагал и определенное ограничение власти брата «старейшего» над своими «младшими» братьями.

Оговорка «в отца место» была отнюдь не случайной – «старейший» брат все же не был отцом, а лишь его «заместителем», и «отеческая власть по доверенности» не наделяла его полномочиями, аналогичными и равными тем, которыми обладал его отец как патриарх семейства. Межкняжеские докончания позднейшей эпохи содержат любопытные формулировки, характеризующие именно эту сторону отношений старшего и младших в правящем доме. Да, безусловно, великий князь наказывал своим детям, чтобы они слушали старшего брата как его самого, но и старшему брату он предписывал держать «свою братью младшую в братстве, без обиды» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 36]. Характеризуя сущность «братских» отношений между князьями, отечественный исследователь А.И. Филюшкин отмечал, что они представляли собой «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз» [Филюшкин, 2006, с. 228]. При этом «старейший» брат и его «младшая братья» взаимно обязывались «тобе знати свою очина, а мне знати свою очина», что на практике означало «в твоём оуделе сел не купити, ни моим бояром, ни закладнев ми, ни оброчников не держати», и «даншиков своих и приставов не всылати», и «грамот жаловальных не давати» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 20]. В результате каждый князь, вне зависимости от того, был ли он «старейшим» или «младшим», в своей «очине» был полноправным сувереном, обладавшим абсолютным правом владеть, судить и рядить.

Примечательно, что в *своих духовных грамотах великие московские князья XIV века старались соблюсти примерное равенство уделов и доходов, которые получили их сыновья* (по крайней мере, старшие). Так поступил Иван Калита в своем завещании, также сделал Иван Красный, и Дмитрий Иванович поддержал традицию, наделив старших своих сыновей: Василия – Коломной, Юрия – Звенигородом, Андрея – Можайском, Петра – Дмитровом «со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами». При этом, жалуя Василия великим княжением, Дмитрий Иванович не забыл и о других своих взрослых сыновьях. Юрий получил от отца по завещанию «куплю» Галич «со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами», а Андрей – другую «куплю», Белоозеро, и Петр также получил свою «куплю» – Угличе поле со всем, «что к нему потягло» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 9, 17, 33].

При таких раскладах первенство «старейшего» брата носило в известной степени номинальный характер – его перевес над «младшей братской» не был ярко выражен, и известное выражение *primus inter pares* имело по отношению к великому князю самое прямое и непосредственное значение. Власть его опиралась в значительной степени на моральный авторитет и на его личные качества, умение выстраивать сложную систему от-

ношений внутри правящего дома, готовность идти на взаимовыгодный компромисс. Попытки же диктовать свою волю «молодшей братье» воспринимались с ее стороны чрезвычайно болезненно и могли повлечь за собой крайне негативные последствия – вплоть до усобицы. Характерным примером тому может служить ссора Андрея Боголюбского с братьями Ростиславичами из смоленского дома. Обиженные «высокоумием» и надменностью Андрея, полагавшегося на «множество вой» своих, Ростиславичи отказались повиноваться «старейшему брату», заявив ему: «Мы тя досихъ мест *акы отца имели по любви; аже еси с сьякими речми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку*, а что умыслил еси, а тое деи, а Бог за всем (выделено нами. – А. П.)...» [Ипатьевская летопись, 2001, с. 390].

Такое положение дел было терпимо до поры до времени, пока власть и собственность распределялись и перераспределялись внутри одного правящего дома. Однако с ростом численности князей, усложнением родственных отношений, появлением боковых ветвей и пр. система становилась все более сложной, запутанной и менее управляемой. Между тем, как справедливо отмечал А.В. Назаренко, «с ростом государственного самосознания власти неизбежно должно было расти и сопротивление идее механического ее, власти, дробления» [Назаренко, 2009, с. 68]. Неустойчивость системы, ее рыхлость и расплывчатость создавали серьезные проблемы, а если на них накладывались еще и столкновения партикулярных интересов удельных князей и верховной власти, то ситуация могла очень быстро стать критической – так случилось, к примеру, в 1382 году, когда Дмитрию Ивановичу не удалось повторить успех 1375 и 1380 годов, собрать под своим верховенством большую часть русских князей и дать отпор татарам во главе с «царем» Тохтамышем. Усобица 2-й четв. XV века еще раз наглядно подтвердила этот тезис – юный и неопытный Василий II, лишившись поддержки со стороны деда, великого князя литовского Витовта, и митрополита Фотия, оказался не готов управлять сложным конгломератом княжеств, земель и местных сообществ, что очень быстро привело к росту напряженности в отношениях между ним и его дядей Юрием Дмитриевичем и вылилось в кровопролитный конфликт.

Выводы из этих событий Василий II сделал верные – чтобы подобного рода ситуация не могла повториться снова, нужно было, во-первых, свести к минимуму удельную чересполосицу, а во-вторых, предоставить в руки наследника такие ресурсы, людские, материальные и финансовые, которые позволили бы ему надежно держать под контролем свою «молодшую братью» и при необходимости навязывать ей свою волю.

Отметим, что в литературе существует мнение (выраженное, к примеру, А.А. Зимин), согласно которому Василий II был слабым правителем. «*Пределы его власти определялись общим состоянием объединительного процесса*, – писал А.А. Зимин, – *но ее правовые устои регулировались “старинной”* (выделено нами. – А.П.)», при этом сам Василий «не отличался инициативностью, решительностью и волей». Реальной же властью при нем, полагал историк, обладало боярство, а точнее, узкий круг доверенных, «введенных» бояр [Зимин, 1991, с. 165]. Полагая Василия слабым, безвольным великим князем, Зимин противопоставляет ему князя Юрия Дмитриевича, который во время последнего пребывания на великом столе «пытался сделать более решительный шаг по пути утверждения единодержавия, чем Василий II» [Зимин, 1991, с. 67].

Такая точка зрения справедлива по отношению к Василию молодому, еще только постигавшему азы науки правления, тем более что его затмевала фигура его матери, властной и надменной Софьи Витовтовны, и бояр – таких как, к примеру, хитроумный и изворотливый боярин И.Д. Всеволожский. Однако, если сравнить действия Василия II в ходе начального периода усобицы и в ее конце, и в особенности после ее завершения, то нетрудно заметить серьезную перемену в его характере – лишения и бедствия закалили душу и тело великого князя, сделали его расчетливым, целеустремленным и вместе с тем жестокосердым и мстительным. «Последние девять лет своей жизни он [Василий II] уже

совсем не тот, что прежде», – отмечал автор биографии великого князя Н.С. Борисов [Борисов, 2020, с. 271]. Впечатление, что Василий как будто был менее решителен в борьбе с удельной «старинной», на самом деле обманчиво. Осторожность великого князя в действиях, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, горьким опытом, который князь получил в ходе усобицы – важен был не только и не столько сам титул, сколько поддержка элит – боярства, верхушки служилого чина и посада. Они могли дать деньги, оружие и людей, на них мог опереться в случае необходимости великий князь и он же мог, лишившись их помощи и благорасположения, утратить все – и власть, и статус, и даже самую жизнь. Но хотели ли они радикальных перемен – ответ на этот представляется отрицательным. Еще раз подчеркнем, что перед нами весьма консервативное, традиционалистское «холодное» общество, желающее восстановления привычного порядка вещей и хода жизни, к которому они привыкли. И когда А.А. Зимин писал о том, что Василий II представлялся им более подходящим кандидатом на великий стол, чем, к примеру, Юрий Дмитриевич или Дмитрий Юрьевич (Шемяка), то *не потому ли, что, в отличие от них, Василий выступал именно как поборник «старины», а не реформатор?* Отсюда и естественное стремление великого князя соотносить свои действия с настроениями «опоры».

С другой стороны, и сам великий князь был человеком своего времени, воспитанным в соответствующей культуре и воспринявшим «дух времени». Еще раз подчеркнем – Василий II боролся не с удельной системой как таковой, но с конкретными людьми, которые, по его мнению, нарушали основы этой системы. И если, предположим, Иван Андреевич Можайский, неоднократно преступавший свои клятвы и крестоцелование и перебежавший со стороны на сторону в ходе усобицы, в очередной раз поменял сторону и присягнул победителю – мог ли быть уверен в нем Василий II? Очевидно, что нет, и естественным желанием было избавиться от столь ненадежного «младшего брата». Точно также поступил Василий и по отношению к другому удельному князю, Василию Ярославичу. Несмотря на то, что князь Василий был верен своему «старейшему брату» и неизменно выступал на его стороне в ходе усобицы, Василий II в 1456 году приказал арестовать его и заточил в темницу, где Василий Ярославич и скончался. Причины столь жестокой расправы в источниках не раскрываются, однако, по логичной и вполне приемлемой версии Н.С. Борисова, арест и заточение Василия Ярославича были вызваны его конфликтом с монашеской братией Троице-Сергиева монастыря, в которой великий князь встал на сторону монахов и их нового настоятеля Вассиана Рыло [Борисов, 2020, с. 280]. Примечательно, что единственный из удельных князей – участников смуты Михаил Андреевич, владевший Верейско-Белозерским уделом, сохранил свои владения и при Василии II, и при его сыне Иване III – очевидно, потому что как политик и как князь он был совершенно невыразительным и не представлял никакой опасности для Василия II и его сына Ивана. Это еще раз говорит в пользу выдвинутого нами тезиса о том, что, перекраивая систему отношений между князьями, Василий II выступал не против нее самой, а против конкретных личностей.

Однако, формально выступая на стороне традиции и восстанавливая «старину», Василий II своими «конституционными актами» (а ими можно с полным на то основанием полагать межкняжеские докончания и духовные грамоты князей) подготавливал (вряд ли, конечно, он делал это осознанно и целенаправленно) ликвидацию удельной системы. Его завещание (и докончания, которые составили его сыновья после смерти Василия) в этом отношении весьма примечательны – настолько, что можно говорить о начале нового этапа в развитии русской государственности.

Сделаем шаг назад. Выше мы уже отмечали особенность великокняжеских духовных грамот – наделяя своих сыновей уделами, великие князья стремились соблюсти более или менее примерное равенство между ними. «Дмитрий Иванович в своем завещании 1389 года каждого из своих четырех сыновей «благословил» одним городом, да в виде компенсации за территорию «короны» (великого княжения), переходившую фактически наследнику, три сына Дмитрия получили «примыслы» – «купли» Ивана Калиты», – от-

мечал А.А. Зимин [Зимин, 1991, с. 186]. Тем самым пресловутый *corpus fratrum* сохранил свою действенность, и традиция воспроизводилась дальше. Теперь же Василий II внес серьезные изменения в порядок распоряжения «патримонием» и наделения уделами своих сыновей.

Начинается завещание Василия II вполне традиционно – великий князь, заручившись благословением митрополита, свидетельствует, что он, «при своем животе, в своем смысле» составил эту духовную грамоту, в которой дал «ряд своим детям и своей княгине» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 193]. Первая «статья» этого «ряда», опять же по традиции, звучала следующим образом: «Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите за один, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца». Оборот тот же самый, что и в завещании Дмитрия Ивановича, деда Василия II, с той лишь разницей, что Василий добавил словосочетание «в мое место, своего отца», которого не было в духовной деда [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 33, 194].

Следующая, самая важная часть завещания Василия II, касается как раз проблемы распределения «патримония» между сыновьями. Старший, Иван, родился в 1440 году, и к 1462 году был уже вполне зрелым и состоявшимся политиком и администратором – еще в 1449 году Иван Васильевич называется «великим князем», в 1452 году он возглавляет рать, посланную Василием II в устюжские земли, и в том же году Иван официально обвенчался с дочерью великого тверского князя Марией, управляет Переяславлем-Залесским и выполняет различные поручения своего отца, де-факто и де-юре являясь его соправителем. Следующий по старшинству сын Василия Юрий, появившийся на свет в 1441 году, в 1455 году был наделен отцом Дмитровским уделом. Третий сын Василия, Андрей Большой, родился в 1446 году, и в 1462 году владел Звенигородским уделом. Два других сына Василия, Борис (1449 г.) и Андрей Меньшой (1452 г.) уделов к моменту смерти отца, судя по всему, еще не получили. Основная же часть территории великого княжества управлялась непосредственно Василием II через своих наместников и волостелей.

Такая ситуация стала следствием того, что в результате усобицы *corpus fratrum* дом потомков Ивана Калиты де-факто прекратил свое существование. В результате этого владения Василия II к концу его правления по сравнению с его предшественниками существенно выросли, захватив большую часть территории не только Московского великого княжества, но и Великого княжества Владимирского (за исключением Вереysко-Белозерского удела Михаила Андреевича и ряда отдельных территорий на севере и в Ростовской земле). Кроме того, у Василия не было «молодшей братии», с которой он должен был, согласно принципам организации *corpus fratrum*, делиться «примыслами», так что он мог беспрепятственно наращивать пределы своих личных владений и реорганизовывать управление ими по своему усмотрению.

Представившуюся ему возможность переорганизовать политическую и административную карту северо-восточной Руси Василий II реализовал сполна. Не изобретая пороха и не открывая Америки, действуя в рамках уже сложившейся при его предшественниках традиции, он реорганизует систему административного управления своим выросшим кратно «доменом», вводя повсеместно систему наместничьего правления. Как отмечал А.А. Зимин, в последние годы правления Василия «на смену удельному пестрополю приходила уездная система, проверенная жизнью первоначально на “усаженной” (освоенной во время поездок княжеских администраторов) территории Московского княжества». При этом, по наблюдению историка, «в середине века число уездов значительно увеличивается за счет новоприсоединенных земель», а также за счет того, что «наместничья власть распространялась по мере присоединения уделов к Москве и на удельные земли» [Зимин, 1991, с. 164].

Теперь же эта новая старая система управления подвергается дроблению согласно традиции *corpus fratrum*, но с одной важной поправкой – новые уделы нарезаются из великокняжеского домена внутри семейства Василия II. Но нарезка эта происходит на новой

основе – принцип сеньората в завещании Василия II проявляется в полной мере – настолько полной, что о каком-либо равенстве между сыновьями великого князя и речи быть не могло в принципе – «в завещании закладываются прочные основы, которые должны были обеспечить решительное преобладание великого князя над его удельными братьями» [Зимин, 1991, с. 186].

Это решительное преобладание нашло свое выражение в территориальном составе «домена» Ивана Васильевича. Наследник Василия II получил от отца не только его «отчину, великое княжение» (стоит заметить, что здесь Василий II также решительно порывает с традицией, которой он сам был вынужден несколькими десятилетиями ранее подчиниться – великий князь распоряжается отчиной самостоятельно, без оглядки на мнение хана Золотой Орды). Громкий титул подкрепляется реальной силой и ресурсами – по отцовскому завещанию Иван получал двенадцать городов «с волостью, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами», причем в состав иванова «домена» вошли такие чрезвычайно важные и в экономическом, и в финансовом, и в политическом отношениях города, как Коломна, Переяславль-Залесский, Суздаль, Галич, Устюг, Новгород Нижний Муром, Кострома и др. [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 194].

Остальные дети Василия II в сумме получали одиннадцать городов, также «с волостью, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами». Наибольший удел среди них – Дмитровский – переходил в распоряжение Юрия, который, кроме стольного города, получил в свое распоряжение еще Можайск, Серпухов и Хотунь. Три города получил Андрей Большой (стольный Углич, Бежецкий Верх и Звенигород), два – Борис (Волок и Руза) и еще два – Андрей Меньшой (Вологда и Кубена) [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 194]. Ю.Г. Алексеев, анализируя завещание Василия II, отмечал, что уделы младших сыновей Василия II, «расположенные в густонаселенных районах в непосредственной близости от Москвы и на важнейших стратегических направлениях, представляли в совокупности серьезную политическую и материальную силу, с которой новый великий князь не мог не считаться» [Алексеев, 2018, с. 588]. С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы не одно «но», заложенное, впрочем, в само это высказывание – серьезной силой эти уделы могли бы стать только **в совокупности**. Насколько вероятным было совместное выступление сразу всех четырех младших братьев Ивана III – ответ на этот вопрос представляется скорее негативным, чем позитивным. Опыт изучения взаимоотношений братьев показывает, что эта эвентуальная возможность так и не была реализована ни разу. Единственный раз, в 1479–1480 годах, Юрий и Андрей Большой попытались выступить против Ивана III, считая (кстати, небезосновательно), что старший брат нарушает писанные и неписанные правила *corpus fratrum*, но потерпели вполне ожидаемую неудачу – уступив в малом, Иван выиграл в большом.

Заключение

Безусловно, Ю.Г. Алексеев был прав, когда писал о том, что, «энергичный борец с удельными князьями, Василий Васильевич рубил сучья, не трогая корней», поскольку «в своем представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления», согласно которому «русская земля в его глазах, как и прежде, была совокупностью княжеств». В итоге, продолжал далее историк свои наблюдения, «собрав Московскую землю в своих руках, он снова разделил ее между сыновьями». Как итог – «Московская удельная система возродилась, как феникс, из пепла феодальной войны» [Алексеев, 2018, с. 589].

Маститый историк одновременно и прав, и неправ в этом своем выводе. Да, формально, на словах, удельная система, которой, казалось, по итогам усобицы пришел конец, возродилась. Но это только на словах. Восстанавливая уделы, Василий II и в своем завещании, и в своей административной практике последних лет царствования создавал основы ее будущей ликвидации, и основы прочные. Приведем в этой связи любопытное

наблюдение отечественного исследователя М.М. Бенцианова. Он отмечал в одной из своих работ, что «получая уделы, они [удельные князья] стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне», и обусловлено это было тем, что удельные князья, возвращенные при московском дворе, не могли не впитать в себя бытовавшие там политические идеи [Бенцианов, 2008, с. 505]. Соглашаясь с этим мнением, от себя мы считаем необходимым добавить, что «нарезая» своим детям уделы, Василий II передавал им в управление территории, ранее «усаженные», освоенные великокняжеской администрацией. **Тем самым существенно облегчалась задача по обратному переходу удельных земель под контроль великокняжеской власти на случай, если удел оказывался выморочным, или порядок обмена территориями – менялся только распорядитель, но не сам порядок управления, что представляется более важным, чем факт принадлежности данного уезда или волости тому или иному удельному князю.**

Однако это лишь одна сторона медали. Перераспределяя свои земли между своими сыновьями, Василий II как будто следовал старому доброму принципу сеньората, но, подчеркнем это еще раз, благословляя, подобно Дмитрию Ивановичу, своего старшего сына «отчиною своею, великим княжением», Василий II при этом не просто передавал своему наследнику титул, но наполнял его вполне реальным содержанием. **И если Дмитрий Иванович попытался не обидеть каждого из своих сыновей, наделив их уделами, более или менее равными по возможностям, то Василий II решительно отказался от этой практики и передал старшему сыну большую и лучшую часть своего «домена», разом закрепив тем самым его доминирующее положение меж своей «братьи».** И что от того, что в последующих dokonчаньях Ивана III со своими братьями принципы *corpus fratrum* были скрупулезно повторены и закреплены как основа неписаной конституции Русского государства как совместного владения потомства Василия II? Дальнейшие события показали, что реальной возможности противостоять действиям старшего брата у его «младшей братьи» не было, ибо ресурсы, которыми располагал Иван, тем более с учетом его новых приобретений, которыми он не собирался делиться со своей «младшей братьей», существенно превосходили те, которыми располагали другие сыновья Василия II.

Таким образом, оставаясь по форме в рамках старой доброй традиции, завещание Василия II открывало новую страницу в истории Русской земли. Средневековые завершались, начиналось Новое время – заложенные в завещании Василия II перспективы дальнейшей политической централизации, явившиеся результатом усобицы 2-й четв. XV века, получили в правление Ивана III и его преемников дальнейшее развитие и логическое завершение.

Список источников

- Борисов Н.С. 2020. Василий Темный. М., Молодая гвардия, 316 с.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л., Изд-во АН СССР, 586 с.
Ипатьевская летопись. 2001. Русские летописи. Т. 11. Рязань, Александрия, 672 с.
Московский летописный свод конца XV века. 2004. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
Повесть Временных лет. 1999. СПб., Наука, 668 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 2018. Государь вся Руси. В кн.: Алексеев Ю.Г. История России в эпоху великого князя Ивана III. СПб., Изд-во Олега Абышко: 546–744.
Бенцианов М.М. 2008. На удельной службе: служилые люди князя Ю.И. Дмитровского. В сб.: Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, НПМП «Волот»: 505–521.

- Всемирная история. 2013. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М., Наука, 854 с.
- Домников С.Д. 2002. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетея, 672 с.
- Еллинек Г. 1903. Право современного государства. Т. I. Общее учение о государстве. СПб., Изд-во Товарищества «Общественная польза», 532 с.
- Зимин А.А. 1991. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., Мысль, 286 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. В кн. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1988. 447 с.
- Крылов А.О. 2020. Раннее Новое время как исторический период в мировой и отечественной историографии. *Манускрипт*, 13(2): 71–77.
- Леви-Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект: 143–501.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7–28.
- Толфлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Филишкин А.И. 2006. Титулы русских государей. М., СПб., Альянс-Архео, 254 с.
- Шоню П. 2005. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, У-Фактория, 608 с.
- Kollmann N.S. 2017. The Russian Empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press. 512 p.

References

- Alekseev Yu.G. 2018. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Rus']. In: Alekseev Yu.G. Istoriya Rossii v e`poxu velikogo knyazya Ivana III. [History of Russia in the era of Grand Duke Ivan III.]. SPb., Publ. Oleg Aby`shko: 546–744.
- Bentsianov M.M. 2008. Na udel'noi sluzhbe: sluzhilye lyudi knyazya Yu. I. Dmitrovskogo. [In the specific service: the serving people of Prince Yu. I. Dmitrovsky.] In: Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei, posvyashchen-nyi 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo. [Russia and the World: a Panorama of Historical development: a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of History of the Gorky Ural State University]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 505–521.
- The World History. 2013. Vol. 3. The world in the early modern times. M., Publ. Nauka, 854 p. (In Russian).
- Domnikov S.D. 2002. Mother Earth and Tsar City. Russia as a traditional society. M., Publ. Aleteja, 672 p. (In Russian).
- Ellinek G. 1903. The Law of the Modern State. Vol. I. The general doctrine of the state. SPb., Publ. Tovarishhestvo "Obshhestvennaya pol`za", 532 p. (In Russian)
- Zimin A.A. 1991. Knight at the crossroads. Feudal war in Russia in the 15th century. M., Publ. My`s'l', 286 p. (In Russian)
- Klyuchevsky V.O. 1988. Kurs russkoj istorii [Russian history course]. Part II. In: V.O. Klyuchevsky. Sochineniya v devyati tomakh [Works in nine volumes]. M., Publ. My`s'l'. 447 p. (In Russian).
- Kry`lov A.O. 2020. Rannee Novoe vremya kak istoricheskij period v mirovoj i otechestvennoj istoriografii. [Early Modern Times as a Historical Period in World and Russian Historiography]. *Manuskript*, 13(2): 71–77 (In Russian).
- Levi-Stross K. 2008. Nepriuchennaya my`s'l' [La Pensée sauvage]. In: K. Levi-Stross. Totemizm segodnya. Nepriuchennaya my`s'l' [Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.
- Nazarenko A.V. 2009. Old Russian dynastic eldership according to the "Row" of Yaroslav the Wise and its typological parallels – real and imaginary. In: Ancient Russia and the Slavs (The oldest states of Eastern Europe, 2007). M., Publ. Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke: 7–28. (In Russian)
- Toffler E`. 2004. The Third Wave. M., Publ. AST, 781 p. (In Russian)
- Filyushkin A.I. 2006. Titles of Russian sovereigns. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo, 254 p. (In Russian).
- Shonyu P. 2005. La Civilisation de l'Europe classique. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriya, 608 p. (In Russian).
- Kollmann N.S. 2017. The Russian Empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press. 512 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.02.2023
Поступила после рецензирования 09.03.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Received February 13, 2023
Revised March 9, 2023
Accepted April 20, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)